

Рассказъ И. И. Мечникова,

почему онъ поселился за-границей.

На дняхъ—рассказываетъ И. И. Мечниковъ въ „Рус. Вѣд.“—пошелъ двадцать второй годъ съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Парижъ. После такого продолжительнаго периода неудивительно, что я рѣшилъ сложить въ немъ свои кости. Обстоятельство это можетъ служить ручательствомъ того, что въ послѣдующее изложеніе не будетъ внесено никакого личнаго мотива, способнаго повліять на искренность моего разсказа.

Еще ребенкомъ у меня обнаружилось усиленное желаніе отдаться наукѣ, которое не изсякло даже не смотря на школьную муштровку. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ то время, когда я проходилъ гимназію, т. е. въ началѣ царствованія Александра II, не ощущалось гнета ни съ какой стороны на свободное развитіе душевныхъ способностей. Сверху чувствовалось гуманное отношеніе начальства, а снизу не проявлялось фанатическаго давленія на стремленія молодежи. И въ тѣ времена „политика“ понемногу прокрадывалась въ гимназическія стѣны. Въ нихъ распространяли за-границію изданія Герцена, главнымъ образомъ, „Колоколъ“. Изрѣдка гимназисты увлекались студентами въ подпольныя засѣданія, на которыхъ обсуждалась политическая дѣла и шла рѣчь о протѣвоправительственной агитаціи. Но все это не мѣшало удовлетворенію стремленія къ наукѣ. Не раздавался проповѣди о томъ, что

занятіе наукой и искусствомъ есть „подлость“ въ виду бѣдствій, переживаемыхъ народомъ. Наоборотъ, вполне допускалась мысль, что успѣхи науки способны наилучше содѣйствовать общему прогрессу.

При такихъ условіяхъ у пишущаго эти строки безпрепятственно развивалось стремленіе къ научной дѣятельности, какъ къ единственному пути къ тому, чтобы составить себѣ разумное мировоззрѣніе. Въ университетѣ, куда я поступилъ въ началѣ 60-хъ годовъ, еще господствовала рутинна, но среди профессоровъ были молодые ученые, горячо преданные наукѣ и всячески содѣйствовавшіе научнымъ стремленіямъ молодежи.

Я взшелъ на кафедру въ Одессѣ, будучи еще совсемъ молодымъ.

Еще въ гимназіи товарищи прозвали меня „жрецомъ“, замѣтивъ, что разговоры мои всегда смахивали на проповѣдь. Такой-же характеръ носили и мои лекціи, на которыхъ я неустанно проповѣдывалъ вѣру въ науку, причемъ я разумѣлъ настоящую науку, то, что перѣдко осмѣивалось подъ названіемъ „науки для науки“. Я доказывалъ, что изученіе ея необходимо для того, чтобы человекъ могъ относиться сознательно къ дѣятельности, что и составляетъ источникъ величайшаго блага.

Проникнутый такими чувствами, я старался привить ихъ и молодежи, которая все болѣе

и болѣе увлекалась въ сторону политики. Для того, чтобы вліять на нее, я по возможности сблизился со студентами и никогда не изображалъ изъ себя „ученаго профессора“, а держалъ себя совершенно просто. Не разумѣется, въ мою программу не входило желаніе приобрести популярность среди студентовъ, и я никогда не потакалъ ихъ увлеченію политикой. Однажды, осенью 1879 года, когда я собрался урваться на Средиземное море, съ тѣмъ, чтобы заняться изслѣдованіемъ вопроса о генеалогіи низшихъ животныхъ, ко мнѣ явилась студенческая депутація съ просьбой не уѣзжать за-границу. Мнѣ было поставлено на видъ при помощи прерывающихся намековъ, что въ Россіи готовятся важныя политическія событія, которыя потребуютъ присутствія всѣхъ передовыхъ силъ страны. Въ своемъ отвѣтѣ я сказалъ, что считаю мою чисто-научную дѣятельность слишкомъ высокою для того, чтобы пожертвовать ею для чего-бы то ни было, и уѣхалъ въ Неаполь.

Но съ каждымъ днемъ положеніе въ Россіи и особенно въ университетѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Политика со всею силой ворвалась въ учебныя заведенія, и занятіе наукой въ нихъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Одесскій университетъ съ самаго своего основанія отличался особеннымъ обиліемъ неприятныхъ дрязгъ. Какъ учрежденіе тогда еще новое, онъ не сливался съ городомъ. Профессора, въ большинствѣ—выходцы изъ другихъ университетовъ, были въ Одессѣ новичками и не участвовали, за крайне рѣдкими исключеніями, ни въ городскомъ управленіи, ни въ банковыхъ и тому подобныхъ предпріятіяхъ. Къ тому-же въ Одессѣ не было другихъ высшихъ учебныхъ учреждений, въ которыхъ университетскіе профессора могли бы занимать мѣста. Въ виду всего этого дѣятельность ихъ сосредоточивалась исклю-

чительно въ университетѣ. Все свободное отъ чтенія лекцій время профессора проводили въ „лекторіи“, гдѣ, главнымъ образомъ, перетирались косточки товарищей, создавались, укрѣплялись и разрушались „парти“. Выборы новыхъ профессоровъ и должностныхъ лицъ (декановъ, секретарей и проч.) составляли наиболѣе частую тему разговоровъ. Личныя симпатіи и антипатіи играли очень важную роль при этомъ. Особенно замѣтенъ былъ антагонизмъ между профессорами мѣстнаго происхожденія, т. е. малороссами, и москвитями. Научная оцѣнка кандидатовъ болѣею частью подчинялась личнымъ чувствамъ. Политика въ болѣе тѣсномъ смыслѣ долгое время оставалась въ сторонѣ.

Что касается меня, то я оставался все время моего пребыванія въ одесскомъ университетѣ безпартийнымъ и на выборахъ подавалъ свой голосъ за кандидата, имѣющаго наибольшій научный цензъ. Такимъ образомъ, мнѣ случилось положить бѣлый шаръ профессору церковнаго права, представителю крайне-праваго направленія, къ которому я не былъ причастенъ, и профессору политической экономіи, крайне-лѣвому, взглядовъ котораго я также не раздѣлялъ. Я поступилъ такъ потому, что первый былъ очень извѣстенъ своими научными трудами, а второй, рекомендованный лучшими русскими политико-экономами, былъ умный, талантливый и ученый преподаватель.

За все время моего пребыванія въ университетахъ, въ качествѣ студента и преподавателя, все ненормальное въ жизни ихъ шло почти всегда изъ юридическаго факультета. Я уже упоминалъ выше, что студенческія сходки всегда устраивались юрстами. Впослѣдствіи большинство препирательствъ въ одесскомъ университетѣ также начиналось среди профессоровъ юридическаго факультета.

Въ то время, когда реакція косила безъ разбора, осенью 1881 г. деканъ юридическа-

го факультета, пересматривая кандидатскія диссертациі студентовъ, кончившихъ курсъ весной того-же года, нашелъ въ числѣ ихъ одну, своевременно одобренную факультетомъ и посвященную разбору дѣятельности политико-эконома Родбертуса фонъ-Ягецова. Авторомъ диссертациі былъ утвержденный кандидатомъ Герценштейнъ, впоследствии депутатъ первой Государственной Думы, столь трагически и преждевременно погибшій. Найдя, что въ диссертациі этой проводится социалистическія тенденціи, деканъ предложилъ юридическому факультету постановить рѣшеніе, чтобы на будущее время подобныя диссертациі бывали систематически отклоняемы. Факультетъ согласился съ такимъ предложеніемъ. Постановленіе это вызвало цѣлую бурю, въ результатѣ которой мое прошеніе объ отставкѣ, до того лежавшее въ моемъ карманѣ, очутилось въ рукахъ ректора.

Послѣ этого мнѣ не оставалось ничего иного, какъ уйти изъ университета. Послѣ всего, бывшаго раньше, измѣна попечителя переполнила чашу. Такъ какъ средства мои не позволяли жить самостоятельно, то я, еще нѣсколько мѣсяцевъ раньше, заручился обѣщаніемъ моего близкаго друга, предсѣдателя полтавской земской управы, выхлопотать мнѣ мѣсто земскаго энтомолога. Въ тѣ времена насѣкомыя производили значительныя опустошенія на югѣ Россіи и мнѣ пришлось заняться вопросомъ о мѣрахъ противъ этой бѣды. Полтавская земская управа выбрала меня на должностъ мѣстнаго энтомолога, и я готовился приступить къ ней, когда совершилось неожиданное семейное событіе, измѣнившее этотъ планъ. Жена моя получила наслѣдство, доходы съ котораго могли обезпечить наше существованіе. Мы начали съ того, что поѣхали на Средиземное море, куда я давно стремился, съ цѣлью продолженія своихъ научныхъ работъ. Такимъ образомъ, я не сдѣлался полтавскимъ энтомологомъ.

Мое пребываніе въ Мессинѣ по случаю мессинскаго землетрясенія имѣло послѣдствіемъ то, что изъ зоолога я долженъ былъ превратиться въ патолога и бактериолога. Вернувшись въ Россію, я снова поселился въ Одессѣ, гдѣ устроилъ маленькую лабораторію на своей квартирѣ. Такимъ образомъ шло дѣло около двухъ лѣтъ, но такъ какъ занятія бактериологіей требовали большихъ средствъ, то мною вмѣстѣ съ двумя моими бывшими учениками было задумано устроить въ Одессѣ бактериологическую лабораторію для открытій въ то время Пастеромъ прививокъ противъ бѣшенства, сибирской язвы и проч.

Одесское городское управленіе и херсонская земская управа дали необходимыя денежныя средства для осуществленія задуманнаго плана. Покинувъ государственную службу, я такимъ образомъ попалъ въ услуженіе городу и земству. Поглощенный научной работой, практическую часть, т. е. прививки и приготовленіе вакцинъ, я передалъ моимъ молодымъ товарищамъ. Казалось-бы, дѣло должно было пойти успѣшно. Вновь возникшее бактериологическое учрежденіе съ жаромъ принялось за работу, но противъ него начали оказывать противодѣйствіе. Мѣстные представители врачебной власти стали производить нашествія съ тѣмъ, чтобы усмотрѣть какое-нибудь нарушеніе правилъ. Въ медицинскомъ обществѣ устраивали настоящую травлю противъ всякой работы, выходящей изъ новой лабораторіи. Инстанціи, дававшія средства, требовали практическихъ результатовъ. Работы-же для достиженія послѣднихъ встрѣчали постоянныя препятствія. Для истребленія сусликовъ, вредящихъ посѣвамъ злаковъ на югѣ Россіи, нами было предложено испробовать дѣйствіе бактерий такъ называемой куриной холеры. Съ этой цѣлью въ лабораторіи начали производить опыты, но въ одинъ прекрасный день мною было получено предписаніе одесскаго градоначальника, чтобы немедленно

прекратить ихъ. Мѣра эта была принята по воздѣйствію мѣстныхъ врачей, которые, подвліяніемъ фельетона одной петербургской газеты, написаннаго очень бойко авторомъ, не имѣвшимъ понятія о бактериологіи, увѣрили градоначальника, что бактерии куриной холеры могутъ превратиться въ заразное начало азіатской холеры.

Генераль-губернаторъ, къ которому я долженъ былъ обратиться, отмѣнилъ постановленіе градоначальника, но, тѣмъ не менѣе, вся эта перипетія не осталась безъ вліянія на дѣятельность лабораторіи. Къ тому-же—и это оказалось особенно важнымъ впоследствии,—среди немногочисленныхъ дѣятелей ея обнаружился глубокой расколъ. Лица, взявшія въ свои руки прикладную дѣятельность, перестали работать согласно; я-же, погруженный въ научную работу, не могъ ихъ замѣнить, и это тѣмъ болѣе, что, не имѣя диплома на званіе врача, я не имѣлъ права дѣлать прививокъ людямъ. Очутившись въ такомъ положеніи, я увидѣлъ ясно, что мнѣ, теоретику, лучше всего удалиться, предоставивъ лабораторію въ руки практиковъ, которые, принявъ на себя отвѣтственность, смогутъ лучше выполнить свою роль. Но такъ какъ я страстно хотѣлъ продолжать свои научныя работы, то мнѣ нужно было во что-бы то ни стало найти убѣжище, въ которомъ-бы я могъ спокойно предаваться своимъ занятіямъ. Въ Россіи въ то время, кромѣ одесской, не было другой бактериологической лабораторіи. Принцъ А. П. Ольденбургскій задумалъ основать въ Петербургѣ большой бактериологическій институтъ и предложилъ мнѣ заняться этимъ. Но, проученный одесскимъ опытомъ и зная, какъ трудна борьба съ противодѣйствіями, возникающими безъ всякой разумной причины со всѣхъ сторонъ, я предпочелъ поѣхать за-границу и найти себѣ тамъ тихій пріютъ для научной работы.